

жика, людину дуже світлу, на ґрунті простионароднім українськїм; з деякою закраскою літературною церковною».

Мандычевский не только перекроил на свой лад текст первого издания, но и внес в него ряд новелл: «готских дев» он превратил в «гаспидських дівок».³ Слова «в мытях бывает» он считал вставкой того же злополучного «московського писаки».

Вернемся к исследованиям Лесного. Среди хаоса назидательных рассуждений и широких обобщений у него все же была путеводная звезда — точка зрения натуралиста. В четырех выпусках есть две главы: «Слово о полку Игоре́ве с точки зрения натуралиста» и «Природа в Сло́ве о полку Игоре́ве». Нет сомнения, что природа Лесному лучше известна, чем, скажем, фонетика древнерусского языка или сравнительное языкознание. Посмотрим, какие же «темные места» он расшифровал, пользуясь «методом изучения и навыками натуралиста».

В первой из этих глав Лесной снисходительно согласился, что натуралистический метод для объяснения некоторых «темных мест» впервые предложен в нашей статье: «Слово о полку Игоре́ве» з погляду природознавця», напечатанной, как пишет Лесной, «в мало известном журнале Украинской Академии наук в 1939 г.»⁴

Малая известность этого издания (тираж 970 экз.), по-видимому, послужила Лесному достаточным основанием для заимствований без ссылки на источник в его еще менее распространенном труде (тираж 750 экз.). Вот один из ряда примеров заимствований. Объясняя выражение «дятлове тектом путь в рѣцѣ кажутъ», мы писали:⁵ «Дятлы, преимущественно весной, вместо пения или иных звуков, издаваемых в брачную пору птицами, „барабанят“ крепкими клювами по сухим веткам деревьев. Этот громкий характерный звук слышно еще издали, иногда за несколько километров. В степи деревья растут только в балках — долинах речек. Издали не видно речки, запрятавшейся в ложбине, не видно и деревьев, растущих по ее берегам, однако издали слышен стук, издаваемый дятлами. Понимая значение этого признака присутствия деревьев, а следовательно и реки, Игорь во время бегства из плена легко находил путь к воде. к зарослям, в которых можно укрыться».

А вот как интерпретирует это толкование Лесной, знакомый с обеими нашими статьями: «И вот тут помогал „текот“, т. е. стук дятла. Стук дятла указывал совершенно ясно на наличие поблизости не только вообще балки, но и крупных деревьев (по кусту не постучишь!), так как деревья в балках не поднимаются в степи на плато, а растут по склонам, главным образом на дне балок, где для произрастания их есть достаточно влаги. Там, где есть крупные деревья, несомненно должна быть и вода».

Таких позаимствований комментариев к «Слову» без указания источников у Лесного есть значительное количество. Так, он нашел у автора этих строк объяснения скрипа телег и крика лебедей, значение тура, гоголя, горноста́я, чаек и т. д. Порою заимствование чужих мыслей приводит его к повторению ошибок, сделанных в первоисточнике. Так, например, мы объясняли выражение «сокол в мытях бывает» фразой «сокол достигает половой зрелости». Лесной перевел это место «сокол в мощи бывает», в комментариях объяснив, что это сокол, сменивший детский наряд

³ Другой автор из Львова доказывал, что готские красные девы это валькирии древнегерманского эпоса (см.: Ом. Партыцкїй. Темни мѣстця в «Словѣ о полку Игоре́вѣ». У Львовѣ, 1883, стр. 25—35).

⁴ В действительности: Вісті Академії наук УРСР. Київ, 1940, № 2, стр. 52—55.

⁵ Н. В. Шарлемань. Из реального комментария к «Слову о полку Игоре́ве». — ТОДРА, т. VI. М.—Л., 1948, стр. 115.